

Русская акция помощи:
долгая благодарная память

Встреча нацменьшинств

Что привезли чехословаки
из России,
если они не вывезли
царское золото?

АЛЕКСАНДР ДАНИЭЛЬ

Что привезли чехословаки из России, если они не вывезли царское золото?

Переход из теплушек на пароход

Миф о хищении золотого запаса России из Государственного банка в Казани в 1918 году legionерами Чехословацкого корпуса на протяжении почти 90 лет периодически оживает и возбуждает некоторые слои российской общественности.

Нами был произведен информационный поиск по этому вопросу. После знакомства с рядом русских и чешских литературных и электронных источников, вышедших между 1920 и 2011 годами, мы пришли к выводу, что никакого захвата, хищения или иного способа присвоения войсками корпуса золотого запаса России в Казани и на Транссибирской магистрали не было. Этому вопросу была посвящена наша статья, опубликованная в предыдущем выпуске «Русского слова»¹.

В то же время, в самой Чехословакии на бытовом уровне не остался незамеченным высокий уровень материального благополучия legionеров, только что вернувшихся из России — что тоже часто объяснялось слухами об украденном золоте.

Задавшись целью выяснить происхождение этого мнения, мы провели собственное расследование. В различных источниках мы встретили сообщения о том, что созданные в 1919 году технический отдел корпуса «Теход» и «Легиобанк» были субъектами предпринимательской деятельности. Они при эвакуации из Владивостока закупили и привезли в Чехословакию множество материальных ценностей, в том числе, некоторое количество золота, драгоценных металлов и денежных средств. Их источником была коммерческая деятельность, начатая еще на Урале в 1918 году, но никоим образом не захват золотого запаса бывшей Российской империи, как утверждают некоторые авторы. Об этом пойдет речь ниже.

Немного истории

На рубеже XIX и XX столетий в Киеве и других городах Юго-Западного края чешскими предпринимателями были созданы десятки промышленных предприятий. На них во время Первой мировой войны трудились тысячи организованных чехов и словаков из числа россий-

ских чехов и военнопленных австрийской армии чешского и словацкого происхождения. Их объединяли находившиеся в Киеве с 1916 года правление Союза чехословацких обществ России и возникший в мае 1917 года Филиал Чехословацкой народной рады в России.

Хозяйственная деятельность Союза ЧС обществ оформилась еще в 1916 году, когда при нем был создан Народнохозяйственный отдел, ставший 15 февраля 1917 года «Ассоциацией содействия торговому и промышленным отношениям», а также «Чехословацкое кредитное учреждение» (Uvěrní ústav) в Киеве. Это был первый Чехословацкий банк в России, предшественник Национального банка Чехословакии². В нем 30 июля 1917 года провел свой второй день пребывания в Киеве Т. Г. Масарик, участвовавший в собрании чешской деловой элиты Юга России. Тогда намечались пути изыскания средств для будущего войска.

В феврале 1918 года Чехословацкий корпус, ставший тогда формированием французской армии, уходил из Киева и губерний Юго-Западного края. Много работников чешских предприятий и бывших военнопленных вступили в ряды корпуса и ушли с ним на восток.

На втором году Первой мировой войны, когда формировались чехословацкие полки, появилась потребность в развитии интендантской службы — не хватало боеприпасов и оснащения. Правление Союза чехословацких обществ, узнав об этом, начало целенаправленную деятельность.

Когда в начале 1916 года Русско-Балтийское акционерное общество строило в Таганроге завод тяжелых артиллерийских боеприпасов, технический руководитель этой фирмы, российский чех инженер Вилем Громадко, предложил Союзу ЧС обществ трудоустроить освобожденных военнопленных чехов и словаков. Его мечтой было создание оружейного завода, в котором бы шесть тысяч прилежных рабочих и инженеров из военнопленных трудились на новейших американских обрабатывающих станках и механизмах³.

Тщательно разработанный проект дважды отклонялся чиновниками с немецкими фамилиями в российском военном министерстве и генеральном штабе. Только после того, как председатель Союза ЧС обществ Вацлав Вондрак добился в Ставке аудиенции Царя, началась реализация плана. Генерал А. Н. Куропаткин прислал в Таганрог из Ташкента полторы тысячи освобожденных военнопленных специалистов, прибывали военнопленные из Дарницкого лагеря из-под Киева и других мест. В. Громмад принимал на работу также специалистов российского и польского происхождения. Всего было собрано восемь тысяч сотрудников.

Вскоре чешские инженеры и рабочие заняли в отделах и цехах многие должности, требующие профессионализма. Завод в Таганроге успешно функционировал и при царе, и при Временном правительстве. Тысячи военнопленных имели заработок и платили, как и другие чехи и словаки, «Всеобщий обязательный военный налог» в фонд освобождения родины. Весной 1918 года, на основании приказа Филиала ЧС народной рады в России, организованные чехи и словаки покинули Таганрог и уехали в Пензу и Самару, пополнили Чехословацкий корпус, едущий на восток.

Таким образом, в начале 1918 года Чехословацкий корпус пополнился тысячами квалифицированных рабочих и сотнями инженеров и техников, имеющих опыт работы на предприятиях России. Многие из киевских и таганрогских специалистов были со временем востребованы на промышленных предприятиях Урала и Сибири⁴.

Гражданское объединение промышленности Урала

После Челябинского инцидента в мае—июле 1918 года полки корпуса были вовлечены в военные действия против большевиков в Поволжье, на Урале и в Сибири. снабжение войск прекратилось, не хватало боеприпасов, вагонов, локомотивов, угля. Были разрушены мосты. Многие местные заводы и мастерские не работали. Причиной плохой организации снабжения стали равнодушие и нерадивость местных учреждений. Власти были поражены коррупцией. Легионерам приходилось рассчитывать на собственные силы.

Оперативное руководство корпуса признало, что военный успех зависит от эффективности тылового обеспечения. Филиал ЧСНР создал «Техническое отделение чехословацких войск». Оно с июля 1918 года находилось в Екатеринбурге. Во главе отделения поставили опытных инженеров Йиндриха Голну, Знаменачека и Рубиника. Перед отделением были поставлены две главные задачи: наладить регулярную работу уральских заводов и восстановить железнодорожный транспорт.

Опытный организатор Знаменачек созвал в Челябинске съезд влиятельных уральских промышленников, которые охотно приняли предложенный план оживления предприятий Урала и Сибири. Появилось «Гражданское объединение промышленности Урала». Чехословацкие специалисты и рабочие, имевшие уже опыт работы в России, пришли из воинских частей на заводы и шахты, начали их оживлять вместе с уральцами. Снабженцы привозили зерно и запускали мельницы. Русские белые и чехословацкие войска испытывали дефицит обуви. Поэтому привозились тысячи шкур, налаживалась выделка кожи. Была восстановлена работа обувной фабрики в Екатеринбурге, которая стала ежемесячно производить пятнадцать тысяч пар сапог. Они шли не только в войска, но и на рынок. Открывались армейские обувные, швейные, шорные предприятия. Выделывались овчины, шились полушубки и тулупы для армии. Работали столярные и мебельные мастерские, цехи по производству мыла и разной иной продукции для войск и рынка.

Только после образования Поволжского фронта в августе месяце корпус начал получать денежное содержание от Франции, Великобритании и США, которые ожидали прибытия корпуса на Западный фронт во Францию. Ими было выделена валюта на сумму примерно 34 миллиона золотых рублей.

Техническое отделение быстро росло. Если в июле 1918 года оно опекало одну шахту и три завода, то в январе 1919 года в него входили 18 шахт и 77 заводов, всего 95 производственных предприятий. Появилась продукция, а с ней снабжение полков и деньги. В Техническом отделении было образовано одиннадцать управленческих отделов: машиностроительный, строительный, горно-металлургиче-

ский, химический, железнодорожный, финансов и коммерции, социальный и др.⁵ На предприятиях вместе с местным персоналом работало 2334 бывших военнопленных, а в составе Технического отделения количество специалистов выросло от 41 до 259 человек за период с июля по декабрь 1918 года.

От Военной сберегательной кассы до Легиобанка

Чехословацкий корпус в начале 1918 года ушел с Украины и пришел в Поволжье, на Урал и в Сибирь как формирование французской армии. Финансирование его Францией еще не было налажено. Денежный вопрос встал очень остро. Заведующий финансовой частью корпуса майор Франтишек Шип проявил изобретательность в изыскании денежных средств. 3 августа 1918 года на собрании легионеров он предложил организовать «Военную сберегательную кассу» для того, чтобы сосредоточить в ней имевшиеся у солдат и офицеров сбережения и временно употребить их на нужды армии⁶.

Многие легионеры за годы войны накопили сбережения. Большая часть корпуса состояла из военнопленных, которые до поступления в войска работали на заводах и в мастерских и успели сделать кое-какие сбережения. Детали организации сберкасс были одобрены Филиалом ЧСНР 28 октября. Предполагалось, что сданные в сберкассу деньги могут быть получены вкладчиками на освобожденной родине в чехословацкой валюте⁷. Поэтому успех кассы был большой. До января 1919 года 503 вкладчика имели на счетах 269 262 рублей, а на 1 марта уже 5 683 вкладчика хранили в кассе вклады на сумму 2 642 226 рублей. Постепенно открыли 84 отделения, рассредоточенные на территории от Екатеринбурга до Владивостока и Харбина, в основном, в вагонах эшелонов. Центральное отделение с 28 ноября 1918 года находилось в Екатеринбурге, а в марте 1919 года было переведено в Иркутск. Вкладчиками были не только легионеры, но и все едущие с корпусом, включая иностранцев. Известно, что 1 сентября 1919 года 15 665 вкладчиков имели вклады на сумму 11 640 517 рублей.⁸ Эти деньги стали не только основой для приобретения необходимого имущества, обустройства собственного интендантства, устройства военных лазаретов и т. д., но позволяли планировать открытие воинского банка.

В августе 1919 года представитель пражского правительства в Сибири писатель Ф. В. Крейчи посетил в Иркутске центральную сберкассу. Он писал: «На одной из широких иркутских улиц наше Финансовое управление занимает целый дом. В комнатах с голыми стенами у грубых столов тесно сидят легионеры-чиновники и выполняют утомительную, ответственную работу. Здесь принимали вклады легионеров в Военную сберкассу, которая сохраняет сбережения и выплатит их только на родине. Здесь куют далеко идущие планы построения нашей хозяйственной позиции в Сибири и в Банке Легии, который будет организован... Душой этого управления является деятельный и энергичный майор Ф. Шип...»⁹. Забегая вперед, скажем, что осенью 1919 года Легионерский банк был открыт.

Франтишек Шип, заведующий финансовой частью

В воинской сберегательной кассе идет прием вкладов

Военный министр Чехословакии в Сибири

Вернемся в 1918 год. После провозглашения Чехословацкой Республики из Праги во Владивосток приехали 16 ноября 1918 года военный министр молодой Чехословакии генерал Милан Растислав Штефаник и руководитель французской военной миссии генерал Маврикий Жанен. М. Р. Штефаник провозгласил, что теперь чехословацкий корпус является составной частью армии Чехословацкой Республики, временно находящейся в России, что армия теперь регулярная, а не добровольческая.

Он распустил революционные комитеты и полковые представительства, запретил съезды, упразднил Филиал ЧСНР, учредил Отделение Военного министерства в России во главе с подполковником Р. Медеком. Чрезвычайно важными актами министра М. Р. Штефаника были приказ об отзыве воинских частей с боевых операций и переводе их с января 1919 года на охрану железнодорожной магистрали и приказ о начале эвакуации корпуса на родину. Первый приказ выполнялся быстро. Исполнение второго приказа по разным причинам растянулось почти на два года. Война в Европе закончилась. Западного фронта — цели движения — нет. Теперь корпус во Франции был не нужен. Союзники строили планы использовать его в борьбе против большевиков и начинать эвакуацию не спешили.

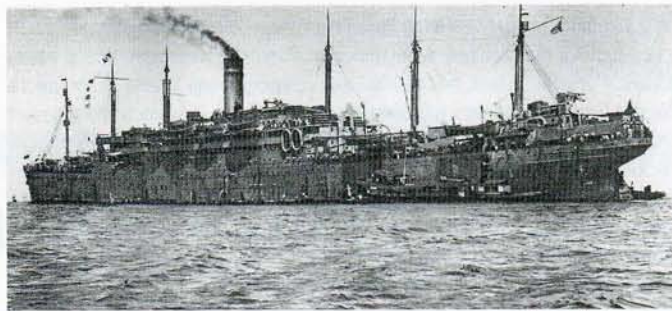
Восьмого января 1919 года министр подписал приказ об утверждении в структуре Финансового управления корпуса Воинской сберегательной кассы и ее начальника майора Йозефа Полака, а также подтвердил гарантию выплаты вкладов Республикой. Войска, перешедшие на караульную службу, теперь включались в хозяйственную деятельность, не свойственную регулярной армии, но необходимую для жизнеобеспечения.

Эвакуация

Приказ военного министра № 401 от 5 января 1919 года предписывал проведение эвакуации в два этапа. Первый включал в себя эвакуацию инвалидов, больных, старых воинов и колонистов с их семьями. Инструкция разъясняла, что воины старше 50 лет могут быть эвакуированы без медицинского заключения, а лица старше 42 лет — после медицинского осмотра. Сроки второго периода не были определены. Этот приказ появился в связи с надеждой министра провести корпус на родину кратким путем через южные области России и Украины, а для этого армия должна быть боеспособной и освобожденной от небоевого состава. Этого требовала также задача охраны магистралей.

Срочно были созданы эвакуационные и санитарные поезда с перевязочными. Они с середины января начали перевозить во Владивосток инвалидов, раненых и др. Расстояние достигало 6,5 тысяч км в условиях сибирской зимы и плохого состояния железной дороги. Во Владивостоке скапливалось много инвалидов и раненых, а пароходов для их транспортировки, обещанных американским Красным Крестом на январь—февраль 1919 года, не было. Они начали приходить в июне—июле. В связи с этим доктор В. Гирса договаривался с уезжающими союзниками, у которых на пароходах были свободные места, чтобы они брали чехословаков. Так 15 января 1919 года

Владивосток. В. Гирса и генерал М. Жанен провожают пароход «Америка»

Пароход «Америка»

была отправлена первая группа — 139 инвалидов на итальянском пароходе «Рома», вторая — 449 человек — уехала на английском «Мадрасе». 14 апреля американский «Шеридан» увез 100 человек. Позже французское судно взяло 411 человек¹⁰. Так 1099 легионеров стали первыми эвакуированными.

По договоренности генерала М. Р. Штефаника с американским комиссаром Красного Креста с «оказаниями» были отправлены в Европу еще 3815 инвалидов, стариков и гражданских лиц. Легионеры первого этапа эвакуации, прибывавшие во Владивосток, стали переполнять казармы и больницы. Поэтому доктор В. Гирса и подполковник Ф. Шип приняли решение начать нанимать за деньги Финансового отделения пароходы для вывоза людей и грузов. С этой целью во Владивостоке была создана «Хозяйственная миссия», которая имела право нанимать пароходы и материально обеспечивать транспортировку людей. Всего было нанято 12 судов: в том числе семь японских, два русских («Нижний Новгород» и «Тверь»), одно китайское и др. Первым из них ушло 9 июля 1919 года японское судно «Ливерпуль Мару» с 587 легионерами, архивами и грузами. Эти суда вывезли 9683 человека, то есть 14,3 % всех перевезенных. Деньги для этого были изысканы частично из средств Финансового отделения и частично путем недоплаты денежного содержания 60 тысячам легионеров.

Из Чехословацкой республики поступали тревожные сведения об экономическом кризисе, безработице и голоде. Из-за недостатка сырья простаивали многие предприятия. Правительство просило закупать на востоке сырье для заводов, а Пражский Красный Крест — закупать хлеб. Предстоящая эвакуация воинских частей требовала ликвидации имущества и снаряжения. Для выполнения этих хозяйственных мероприятий нужен был специальный аппарат. В. Гирса, Ф. Шип, Й. Полак, О. Гайны и другие открывают 18 ноября 1919 года «Банк чехословацких легионеров» (Legionbanka) с капиталом 18 миллионов французских франков (шесть млн. руб.) Финансового управления. Он поглотил Чехословацкую Военную сберкассу с капиталом 7,5 миллионов рублей. Акции банка были раскуплены вкладчиками сберегательной кассы. В составе банка была организована торговая структура — Хозяйственная миссия¹¹, ставшая в 1920 году Центрокомиссией — эффективной военной торговой структурой.

Банк немедленно приступил к закупкам драгоценных металлов и сырья: меди, шерсти, сырой кожи, хлопка, каучука, селитры, мехов, а также хлеба. Так у Омского правительства в сентябре 1919 года было куплено 400 тонн меди по 105 фунтов (1050 рублей) за тонну, 190 тысяч пудов хлопка за два миллиона иен. У владивостокских властей — 450 тысяч пудов меди, 150 тысяч пудов хлопка, 300 тысяч пудов каучука, 150 тысяч пудов селитры и др. Велись закупки у разных акционерных обществ.

Все, что банк закупал и отправлял на транспорты, проверялось и учитывалось чехословацкими представителями и местными властями. Без ведома последних не вывозился ни один груз. Банк также проводил ликвидацию войскового имущества. Великобритания и США приняли решение об эвакуации корпуса и посылке за ним кораблей только осенью 1919 года. Усилилась подготовка к отъезду. Эвакуационная комиссия доктора Р. Раше расширилась, стала в августе Эвакуационным управлением. Ликвидационной комиссии, которую возглавил подполковник О. Гайны, предстояло ликвидировать 105 промышленных предприятий и много военного имущества.

30 июля 1920 года Хозяйственная миссия Легиобанка была реорганизована в Центрокомиссию (Чехословацкую центральную хозяйственную комиссию), мощную торговую структуру Легиобанка.

Она развернула отделения в Китае и Японии и не только проводила закупку сырья, но и вела продажу товаров металлообработывающей промышленности, привозимых приходящими за легионерами судами из Чехословакии. Она функционировала на Дальнем Востоке до 1923 года. Список крупных торговых и промышленных партнеров Центрокомиссии приводит Ф. Шип¹².

В больших объемах происходила продажа военного имущества. Так было продано населению 12 тысяч лошадей кавалерийских полков. Лошади были разные, от 25 до 500 рублей за голову. Продавались повозки войсковых обозов, седла, сбруя. Шла продажа мастерских, инструментария, производственных механизмов. Все превращали в деньги.

Сложной была проблема обесценивания русских денег. Чтобы не пострадали интересы солдатских масс, правительство Республики предложило обменивать русские деньги на сырье для чехословацких заводов или переводить в другую валюту. На уходящие суда с легионерами приходили чиновники сберкасс и принимали или обменивали остатки русских денег на иную валюту. Русские деньги шли на покупку сырья.

Был куплен в Японии один корабль — «Тайкай Мару» — за 40 миллионов чехословацких крон. Ему присвоили название «Легиа». Он ушел 24 августа 1920 года под чехословацким флагом с грузом, который нельзя было перевозить на пассажирских судах. На нем уехало 70 человек команды и охрана. Он не был застрахован, так как его не смогли зарегистрировать.

Почти все деньги, скопленные легионерами в Сибири, были оставлены там же в обмен на сырье.

Второй этап эвакуации — вывоз воинских частей — реально начался почти через год после первого отправкой Первого полка им. Яна Гуса 9 и 18 декабря 1919 года на больших кораблях «Йонан Мару» и «Траз-Ос-Монтес», присланных союзниками; выехало 2952 человека. 23 и 27 апреля пришли два морских гиганта «Америка» и «Президент Грант», на которых уехало 10,5 тысяч человек во главе с полковником Л. Крейчи и генералом Я. Сырови. Эвакуация закончилась 2 сентября 1920 года, когда на корабле «Гейффон» уехали последние 720 человек во главе с В. Гирсой.

Корабли сделали 36 кораблей сделали 42 рейса. Всего было эвакуировано 67 730 человек, включая членов семей, гражданских лиц и иностранцев. Среди них было 3004 офицера и 53 455 унтер-офицеров и рядовых.

Денежные средства, в основном российские рубли, были вложены в сырье и материалы, которые привезли легионеры из Дальнего Востока: 8884 тонн рафинированной меди, 4769 тонн хлопка, 286 тонн овечьей шерсти, 23 тонны верблюжьей шерсти, 334 тонны каучука, 150 тонн говяжьей кожи, 650 тонн кебрача (вид твердого тропического дерева), 540 тонн льняного семени, 10 тонн перца.

О количестве привезенных драгоценных металлов нет единого мнения. Ряд авторов считает, что их было привезено на сумму не менее 50 миллионов крон. Заслуживает внимания исследование Зденека Сладека¹³. Он исследовал архивные материалы в фондах Финансового управления Русской Легии и Легиобанка. Они свидетельствуют о том, что ни один из больших вкладов сибирских драгоценных металлов в Чехословакию не пришел.

Но это еще не значит, что предприимчивые легионеры вернулись с пустыми руками. Документы о пересылке золота из Владивостока в Чехословакию свидетельствуют, что 20 марта 1920 года были куплены три слитка золота весом 20,1 кг. За них было заплачено 25 тысяч иен. Слитки были оцифрованы и, несомненно, первично происходили из золотого запаса. На сообщение В. Гирсы от 28 марта об этом приобретении Э. Бенеш ответил, что цена высокая.

В архивах Воинского исторического института есть протокол Финансового управления Легии в Сибири от 18.6.1920 об отсылке 69 445 золотых рублей и 3010 золотых американских долларов.

Есть документ о том, что 5 августа 1920 года Легиобанк, продав русское золото, передал Министерству финансов 6,54 миллиона крон.

Учет драгоценных металлов велся также в серебре. Финансовое управление 2.5.1920 года продало Банковскому управлению Министерства финансов 26 тонн серебра и 26 тонн меди за 40 миллионов крон.

Эти металлы соответствуют весу трех вагонов серебряных монет, которые легионеры получили от самарской власти для содержания войска.

Кроме этого вклада, Легиа послала в Чехословакию 10 мешков серебряных денег (21 пуд), которые получили от помощника атамана Енисейского войска А. П. Кузнецова на хранение. Это войско получило от чехов товар, который не перекрывал цену серебра. Целиком с мая 1920 до апреля 1921 на счет Легиобанка было принято 42 364 240 крон.

Кроме золота и серебра, была послана в Чехословакию сибирская платина. Б. Павлу приказывал пересылать платину в «деликатной форме» — сначала в политическое отделение, а откуда она послалась как пакет дипломатической почты. Временный кредитный комитет Легиобанка на своем заседании 21 июля 1920 года констатировал, что платину не купили ни Банковое управление Минфина, ни другие банки. Поэтому она была продана во Францию.

* * *

Данные архивных фондов финансового управления и Легиобанка свидетельствовали о том, что в Чехословакию пришли незначительные вклады драгоценных металлов, происхождение которых связано с золотым запасом России. Финансовое управление совершало торговые операции с представителями контрреволюционных властей, учреждениями, частными предпринимателями и отдельными лицами. Сибирские драгоценные металлы появились в сейфах пражских банков. Определить их точное количество и цену очень сложно, потому что учет этих металлов в так называемой золотой книге того времени уже не существует. Судя по документам, их цена достигала нескольких десятков миллионов крон. В сравнении с ценностями, которые получили из российского золотого запаса мировые банки и представители Колчака, это были жалкие остатки. Головокружительная карьера Легиобанка не опиралась на Российский золотой запас. Свои силы она получала из предпринимательской и иной деятельности чехословацких войск в России.

Александр и Дина Муратовы

¹ Муратовы Александр и Дина. Золотой запас России и Чехословацкий корпус. Быль и небылицы. Русское слово, № 10—11, 2011. с. 20—25.

² Šplítek J.A., tech. major inž. Narodnohospodářská činnost československých vojsk na Sibiři. 1920. s. 48.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. с. 17.

⁶ Pecenka Miloš. Finance Sibiřské armády. Vinc. Červinka. Naši na Sibiři. Kapitoly vlastní a cizí. Praha. 1920. s. 223

⁷ Šip František. Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. Praha. 1926. s. 49.

⁸ Pecenka Miloš. s. 227

⁹ Krejčí F.V. Navrat sibiřských legií. Praha. 1920. s. 179.

¹⁰ Raše R. Dr. Evakuace. Praha. 1923. s. 7.

¹¹ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914—1920. Париж — Прага. 1928. с.174.

¹² Šip Fr. Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. Praha. 1926. s. 46.

¹³ Sládek Zdenek. Ruský zlatý poklad v Československu? Slovanský přehled — Roč 51. 1965 — č 3. S. 141.

Генерал Я. Сырови со штабом на пароходе «Президент Грант»

